

В. А. Лётин**Теоретико-методологические основания изучения концепта русской усадьбы**

В статье систематизируются и обосновываются методологические основания изучения русской усадьбы XVII – начала XX в. как социокультурного феномена в историографическом аспекте.

Ключевые слова: усадьба, история изучения усадьбы, теоретико-методологические основания изучения усадьбы, концепт культурологии.

V. A. Liotin**Theoretic-Methodological Bases to Study the Concept of the Russian Manor**

In the article the methodological bases to study the Russian manor of the XVII – beginning of the XX century as a sociocultural phenomenon in a historiographic aspect are systematized and proved.

Keywords: a manor, history of manor studying, the theoretic-methodological bases to study a manor, a concept of Science of Culture.

Усадьба – одно из важных явлений отечественной культуры, насчитывающее около века научной и более двух столетий художественной рефлексии. Однако, как ни парадоксально, при ее изучении исследователи пользуются определениями вековой давности И. И. Срезневского и В. И. Даля. Сформированные под влиянием определенного культурно-исторического контекста с доминирующими в нем «реалистическими» тенденциями, эти определения уже не могут вместить все известные на сегодняшний день формы бытования и значения феномена усадебной культуры. Накопленный опыт изучения усадьбы как исторического явления и произведения искусства (архитектуры, садово-паркового искусства, живописи, кинематографа, литературы) позволяет констатировать необходимость создания современного определения усадьбы на основе интегративного культурологического подхода. В данной работе мы раскроем историко-методологический аспект концепта русской усадьбы.

История формирования концепта

Этимологически слово «усадьба» близко ряду слов с корнем «сад» («садить») – занимать прочное, статичное положение [1]. В. Даль определяет «усадьбу» как господский двор с прилегающими строениями различного назначения, садом и огородом. При этом уточняет, что само слово «усадьба» – западного происхождения, а «усадище», «усад» – среднерусского [2]. В. Даль ука-

зывает и на первое обозначение недвижимого имущества как «усадища», в связи с родственным разделом вотчины князей Оболенских в 1536 г. [3]. Однако непосредственно «усадьбой» загородное жилье стало активно называться лишь с начала XX в. До этого в зависимости от местности оно именовалось «хутором» – в южных губерниях; «мызой» – в западных и северных; «сельцами», «имениями», «поместьями» – на значительной территории центральной России. Оно могло также обозначаться и общим понятием «деревня».

Первое активное проявление интереса к усадьбе как явлению отечественной культуры приходится на конец XIX – начало XX в. Особенность этого этапа проявления интереса к усадьбам – восприятие сквозь призму художественной культуры. Усадебный мир начинает активно использоваться в литературных произведениях как особая среда формирования личности человека. В это время происходит смена акцента в восприятии помещичьего быта: осуждение крепостничества с его самодурством, праздностью и развратом уступает место поэтизации и идеализации барского образа жизни. В результате усадьба становится одним из символов утраченного Золотого века русской культуры. С ней связываются темы родовой памяти; начала и конца жизненного пути человека. Они находят разнобразное преломление в мотивах детства и первой влюбленности, жертвенности, рождения и смерти...

Именно такое эстетизированное и «ностальгическое» восприятие усадьбы транслируют литературные тексты эпохи («Вишневый сад» А. П. Чехова, 1903; «Старые усадьбы» Н. Гумилева, 1913; позже – «Машенька» В. В. Набокова, 1926 и «Темные аллеи» И. Бунина, 1943).

В этот период происходит осознание культурной ценности усадебных комплексов: их архитектурно-парковых ансамблей, художественных коллекций и отдельных произведений искусства. В этом ключе выдержаны публикации журналов «Старые годы», «Художественные сокровища России», «Мир искусства», «Столица и усадьба», занимавшихся популяризацией «усадебной» темы в отечественной культуре. К этому времени относятся и многочисленные публикации по усадебной тематике Г. Лукомского.

Кульминацией изучения усадеб в этот период стала деятельность Общества изучения русской усадьбы (Москва, 1922–1930), возглавленного В. В. Згурой. Члены ОИРУ совершали поездки в сохранившиеся усадьбы. Впечатления от этих экскурсий становились материалом для публикаций в журналах «Среди коллекционеров», «Подмосковные музеи».

Исследования усадеб этого периода в большинстве своем носят описательный характер или представляют собой исторические очерки, посвященные отдельным архитектурно-парковым комплексам. Акцент в них делается на личностях владельцев, стилистическом решении архитектурных сооружений и парковых декорациях (павильоны, скульптура, водоемы) и художественных коллекциях. Своеобразным итогом этого этапа можно считать появившиеся книги Ю. И. Шамурина «Подмосковные» (1913) [4]; В. Я. Курбатова «Сады и парки» (1916) [5]; б. Н. Н. Врангеля «Помещицья Россия» (1910) [6] и А. Н. Греча (с 1927 г. – председатель ОИРУ) «Венок усадьбам» (1930-е гг., издана была после смерти автора, погибшего на Соловках в 1938 г.) [7]. Название последней символично, так как знаменовало не только разнообразие памятников, объединенных одной исторической эпохой, но и прощание с утрачиваемым на глазах культурным наследием.

Вторая волна интереса к усадьбе как феномену отечественной культуры приходится на вторую половину XX столетия. Обусловлена она новым витком романтизации дореволюционного прошлого, самой возможностью обращения к культурному наследию «царской» России.

В это время вырабатывается научный подход к изучению усадьбы. Это отчасти связано с восстановлением после Великой отечественной вой-

ны и музеефикацией пространств некоторых усадеб (чаще всего «писательских»). Формируются исторический (землевладения, генеалогия владельцев, процесс формирования) и искусствоведческий (стилистическая характеристика) подходы к изучению усадебных ансамблей. Показательными примерами этого могут служить исторические справки, имеющиеся в каждом «усадебном» музее-заповеднике. При этом «музеефицированное» усадебное пространство осмысливается сквозь призму литературных произведений XIX в. («вообще» или биографии конкретного «великого писателя» – ее бывшего владельца, что порождает соответствующую «мифологию» («онегинский» текст Тригорского) и штампы восприятия исторических территорий (Довлатов С. «Заповедник» (1983)).

Важными вехами этого периода изучения русской усадьбы являются труды Д. С. Лихачёва «Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей» (1982) [8] и Ю. М. Лотмана «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.)» [9]. Их «эпохальное» для усадебоведения значение состоит в открытии усадьбы как семиотического пространства. Д. С. Лихачёвым и Ю. М. Лотманом преодолевается «романтизированная» замкнутость усадебной культуры. Обнаруживаемые учеными поведенческие, символические, речевые коды превращают усадебное пространство из «заповедника» исключительно высоких чувств и изящных искусств в реальное пространство жизни людей. Усадьба становится одним из возможных «зеркал» эпохи, отражая в себе социальные амбиции и вкусовые пристрастия конкретных людей.

Своеобразными художественными реконструкциями усадебного быта становятся произведения кинематографа этого времени, визуализировавшие прежде всего «романтические» тенденции в интерпретации бытования усадебного универсума. В советском кинематографе территория усадьбы становилась декорацией водевильного флирта с исторической эпохой («Гусарская баллада» (1962), «О бедном гусаре замолвите слово» (1980) Э. А. Рязанов; «Женитьба Бальзамина» (1964), К. Н. Воинов); пространством интриги детективной истории («На графских развалинах» (по одноименной повести А. Гайдара, 1957), В. Скуйбин; «Бронзовая птица» (по одноименной повести А. Н. Рыбакова, 1974–1975) Н. А. Калинин); томной, чтоб не сказать жеманной, имитацией аристократизма («Метель» (1964), В. П. Басов; «Неоконченная пьеса для механического пианино» (1977), Н. С. Ми-

халков; «Мой ласковый и нежный зверь» (1978), Э. Лотяну), ностальгическо-ироничным воплощением уютного оазиса «пошлости бытия» («Несколько дней из жизни Обломова» Н. С. Михалков, 1979; «Мертвые души» М. А. Швецер, 1984; «Барышня-крестьянка» (по одноименной повести А. С. Пушкина), А. Н. Сахаров, 1995); героико-эпических штудий («Война и мир» (1965–1967), С. Ф. Бондарчук). Благодаря этим фильмам (а не работам Ю. М. Лотмана и Д. С. Лихачёва!) в обыденном сознании современников закрепляется устойчивое представление об усадьбе как запущенном парке с ветхим ампирическим домом, а об усадебной жизни как перманентном переживании состояния (предчувствия, разочарования) любовного томления в элегантных туалетах XIX – начала XX в. на фоне русской природы.

Современный этап бытования концепта

Условно точкой его отсчета можно установить возрождение деятельности «Общества изучения русской усадьбы» (Москва) на базе РНИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва в 1992 г. [10]. Формы работы общества: экскурсионные поездки, ежемесячные собрания, проведение научных конференций и издание их материалов в сборниках «Русская усадьба».

В этот период усадьба осмысливается как одна из граней отечественной культуры, о чем свидетельствует посвящение глав усадебной проблематике в исследованиях, раскрывающих общие вопросы развития культуры: глава «Миф русской усадьбы: дворянская утопия» в книге С. Д. Домникова «Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество» [11].

При анализе собственно феномена усадьбы в качестве объекта научных исследований раскрываются разные аспекты его бытования в пространстве отечественной культуры. Стратегические векторы изучения усадебной культуры определяются по монографиям, вышедшим в последние годы: *историко-культурный* («Жизнь усадебного мифа» Е. Е. Дмитриевой и О. Е. Купцовой (2003)) [12]; «Художественная Вселенная русской усадьбы» О. С. Евангуловой (2003) [13]; *историко-искусствоведческий* («Русская усадьба Серебряного века» М. В. Нащокиной (2007) [14]); *исторический* («Русская провинциальная усадьба XVIII – начало XX века» Е. Н. Савиновой и М. А. Поляковой (2011) [15]). Исторический подход дает возможность составить достаточно полное представление об усадьбе как историко-культурном феномене, раскрывая этапы его эволюционирования и актуализации модификаций феномена в разные исторические периоды

(Стернин Г. Ю. От усадьбы к даче [16]), так и анализ частных проявлений усадебной культуры (Стернин Г. Ю. Абрамцево: от усадьбы к даче [17]).

Методологический потенциал изучения усадебной культуры

Диапазон проблематики специальных исследований – работ на соискание степеней доктора и кандидата наук, посвященных изучению усадебной культуры, – позволяет наиболее широко представить усадьбу как поле интеллектуальной рефлексии различных областей знания.

В работах *естественнонаучного цикла* усадьба рассматривается как часть культурного ландшафта (Т. Е. Исаченко, М. В. Старкова) и как уникальный рукотворный ландшафт (О. М. Волчкова).

В работах *социально-педагогической направленности* усадьба интерпретируется как особая среда формирования человека культуры. В историческом аспекте поля зрения исследователей оказывается культура чтения: библиотеки и домашнее чтение дворян (С. И. Лякишева). В актуальном же – усадьба осмысливается в музеефицированном варианте в качестве ресурса для развития творческих способностей детей (М. А. Волчкова).

Философия обращается к усадебной тематике в связи с раскрытием взаимовлияний мировоззрений различных культур (английской бытовой традиции на российское дворянство в работе Е. Н. Соколовой); осмыслением усадьбы как национального культурного наследия (Е. Ю. Анистратиенко) и анализом ее места в культурном пространстве России (Л. Е. Городнова).

В работах *исторического характера* (специальность 24.00.01 – теория и история культуры) можно выделить следующие тенденции изучения усадеб. Общим для всех является определение места усадьбы в конкретном культурно-историческом контексте. При этом в поле зрения ученых попадают разные типы усадеб, в зависимости от социального статуса владельцев: «крестьянские» усадьбы Прииртышья середины XIX – начала XXI в. (Е. В. Титов) и нижегородского Заволжья (Ф. В. Васильев); купцов и предпринимателей (Г. А. Наумова; Е. Н. Савинова); заводские (Г. С. Цыганкин); дворянские (М. В. Пономарева; Ю. М. Кузнецова; Г. А. Наумова; Т. А. Третьякова; Е. А. Дубровская); царские резиденции (А. В. Топычканов). Усадебная же культура изучается в аспектах культуры повседневности (А. А. Топычканов; Т. А. Третьякова; О. И. Еремина) и материальной культуры

(Ф. В. Васильев; Е. В. Тиов); динамическом (М. В. Пономарева; Е. А. Дубровская); типологическом (Е. Н. Савинова; Г. А. Наумова; Г. С. Цыганкин; А. В. Топычканов; Е. В. Тиов) и социально-политическом (Ю. М. Кузнецова) аспектах.

Широта охвата материала в данных работах от глобального по времени (XVIII–XIX) и пространству (Россия) осмысления усадьбы как феномена культурно-художественной жизни (М. В. Пономарева) до локализации в рамках региона (Верхневолжье – в работе М. А. Михайловой; Угличско-Мышкинское Верхневолжье в работе Т. А. Третьяковой; подмосковье – в работе А. В. Топычканов), административной единицы (Подольский уезд – в работе Г. А. Наумовой) и отдельной усадьбы (Архангельское – в работе Е. А. Дубровской). Однако при этом временной диапазон сохраняется, только иногда сужаясь до нескольких десятилетний кон. XIX – нач. XX в.

В исследовательском пространстве *искусствоведения* доминирует композиционно-стилистический анализ объектов, составляющих усадебное пространство: композиционные взаимосвязи искусственных и естественных объектов (М. В. Моисеенко); архитектура и интерьер зданий (А. А. Шмелев; О. В. Линдикова, Г. Г. Нугманова); декор (художественный металл – в работе Н. Ю. Красносельской). С позиций искусствоведения рассматриваются также художественные коллекции усадеб (шереметевское собрание живописи в Кусково в работе Н. Г. Пресновой). В целом специальные искусствоведческие работы по усадебной тематике отличает локализация материала в рамках отдельно взятого региона, вида искусства или художественной коллекции. Обращает на себя внимание и то, что в искусствоведческих работах стилистика как «столичных», так и периферийных объектов рассматривается в логике общего развития стиля, что приводит к нивелированию их собственно «усадебной» специфики. В результате чего она трактуется либо снисходительно и претенциозно как провинциальное (непрофессиональное) воплощение стиля, либо не менее претенциозно, но уже пафосно, если речь идет о творчестве «столичного» архитектора (художника, садовода) в резиденциях высшей аристократии. Исключительным для искусствоведения случаем является работа А. М. Муратова «Архитектурные программы русских поэтов в усадебном строительстве конца XVIII – XIX веков» (2006), построенная на границе различных областей знания литературы и архитектуры. Ход, используемый в ней, более характерен для работ культурологического плана.

Близкими к искусствоведению по проблематике и принципам работы с материалом оказываются специальные работы по *архитектуре*. Прежде всего укажем на единичный опыт обращения к теоретическим работам архитекторов (труды А. Т. Болотова) и анализу идеальной модели русской усадьбы в их контексте (В. Н. Туполов). Основной массив составляют работы, в которых рассматриваются общие принципы формирования усадебных ансамблей на примере различных регионов: Северной Эстонии (Ю. Г. Майсте); Казанского Поволжья (И. В. Краснобаев); «Царского берега» в Крыму (И. В. Манцыгина); Костромской (Н. А. Белякина); Курской (Е. В. Холодова) и Новгородской (О. В. Литвинцева) губерний. Исследователей в них интересуют композиция и стилистика решения архитектурно-паркового ансамбля усадьбы. Временной диапазон – XVIII и XIX столетия. Объекты, составляющие усадебный ансамбль, могут рассматриваться и как отдельное явление: храмы (И. Е. Путятин); парки (С. Е. Гусева). Эти явления типологизируются, им дается стилистический анализ опять же по большей части с позиций искусствоведческого метода.

Особую группу специальных исследований составляют *филологические* работы, раскрывающие усадьбу как художественный образ в рефлексии разных родов литературы поэзии (Л. И. Густова, Т. М. Жаплова) и прозе (О. А. Попова), а также в творчестве отдельных писателей: Л. Н. Толстого (Т. Н. Архангельская, Е. В. Подарцев) и И. А. Бунина (Т. А. Лебедева). В филологических исследованиях выделяются работы, намечающие тенденции к интегрированию в литературоведческое исследование элементов культурологического метода (работа с контекстом, анализ мировоззренческих аспектов творческой личности, концептуализация). Так, Т. Ю. Колягина на примере творчества А. С. Пушкина рассматривает «усадебный» тип культуры в его художественном сознании (2007), а С. Н. Пелевин – литературное содержание журнала «Столица и усадьба» с 1914 по 1917 г. (2006).

Наконец, усадебная тематика представлена и в работах *культурологического* характера. В них сразу же можно выделить тенденцию, отличающую от иных «усадьбоведческих» работ: усадьба не только вычленяется из контекста эпохи и среды, но связь с историко-культурным контекстом является главным принципом культурологических исследований усадебной культуры. Именно в работах культурологического характера актуализируются принципы анализа культуры, предложенные Ю. М. Лотманом и Д. С. Лихачёвым.

При этом усадьба интерпретируется и в контексте ментальности отечественной культуры (Архангельское в работе М. С. Поповой), и в контексте более локального пространства (сибирский город в работе И. С. Гурьяновой). Самостоятельную группу культурологических исследований составляют работы, посвященные изучению усадьбы как социокультурного феномена (М. М. Звягинцева, Г. И. Орлова). В исследованиях подобного рода культурное пространство усадьбы является призмой, преломляющей значимые политические, социальные, художественные тенденции эпохи, в связи с чем усадьба интерпретируется как один из локусов исторической памяти. В исследовательском пространстве культурологии оказываются работы, посвященные реконструкции культуры повседневности в аспектах коммуникации (Н. С. Фуражева), репрезентации (О. В. Румянцева, С. А. Еремеева) и мемориализации (Д. Н. Тихонова, Н. А. Никитина) личности в усадебной культуре, музеефикации усадебного пространства (В. Л. Мельников, Н. А. Никитина).

Таким образом, систематизировав историографию изучения усадьбы и разработав обоснование теоретико-методологической основы изучения русской усадьбы как культурологического концепта [18], многоаспектно и системно раскрывающего особый социокультурный феномен России XVII – начала XX в., мы верифицируем инновационную научную парадигму интегративного научного осмысления объекта, ранее являвшегося в отечественной науке предметом расредоточенного, узкоспециального анализа.

В таком, интегративном плане мы предлагаем интерпретировать усадьбу как *получивший единое композиционно-пространственное, стилевое и концептуально-символическое решение архитектурный ансамбль, состоящий из сооружений репрезентативного, хозяйственного, культового назначений, вписанный в природную или городскую среду; сформированный и трансформирующийся под воздействием объективных (историко-культурный и художественный контекст) и субъективных (социальные амбиции, мировоззренческие установки и вкусовые пристрастия заказчика) факторов.*

Примечания

1. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка [Текст] / И. И. Срезневский. – Т. 3. – Ч. 1. – М., 1989.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. И. Даль. Т. 4. – Л., 1982.
3. Крестьянские челобитные XVII в. [Текст]. – М., 1993.
4. Шамурин, Ю. И. Подмосковные [Текст] / Ю. И. Шамурин. – М.: Образование, 1912 – 131 с.
5. Курбатов, В. Я. «Сады и парки» [Текст] / В. Я. Курбатов. – Пг.: Товарищество М. О. Вольфа, 1916.
6. Врангель, Н. Н. Помещичья Россия [Текст] / Н. Н. Врангель. – СПб.: Коло, 2007.
7. Греч, А. Н. Венок усадьбам [Текст] / А. Н. Греч. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2006.
8. Лихачёв, Д. С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей [Текст] / Д. С. Лихачёв. – Л.: Наука, 1982.
9. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре [Текст] / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 1994.
10. Злочевский, Г. Д. Чтобы не прерывалась связь времен: О-во изучения русской усадьбы в прошлом, настоящем и будущем [Текст] / Г. Д. Злочевский // Археографический ежегодник. – М., 1997. – С. 177–187.
11. Домников, С. Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество [Текст] / С. Д. Домников. – М.: Алтейа, 2002. – 672 с.
12. Дмитриева, Е. Е. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. – М.: ОГИ, 2003.
13. Евангулова, О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы [Текст] / О. С. Евангулова. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
14. Нащокина, М. В. Русская усадьба Серебряного века [Текст] / М. В. Нащокина. – М.: Улей, 2007. – 432 с.
15. Полякова, М. А. Русская провинциальная усадьба XVIII – начало XX века [Текст] / М. А. Полякова, Е. Н. Савинова. – М.: Ломоносов, 2011.
16. Стернин, Г. Ю. От усадьбы к даче [Текст] / Г. Ю. Стернин // Стернин Г. Ю. Художественная культура XIX – нач. XX в. – М., 2006.
17. Стернин, Г. Ю. Абрамцево: от усадьбы к даче [Текст] / Г. Ю. Стернин // Русская художественная культура второй половины XIX – начала XX в.: сб. статей / под ред. Г. Ю. Стернина. – М.: Советский художник, 1984.
18. Лётин, В. А. Усадьба: понятие, история концептуализации, опыт определения [Текст] / В. А. Лётин // Концепты культуры и концептосфера культурологии. – СПб.: Астерион, 2011. – С. 174–188.